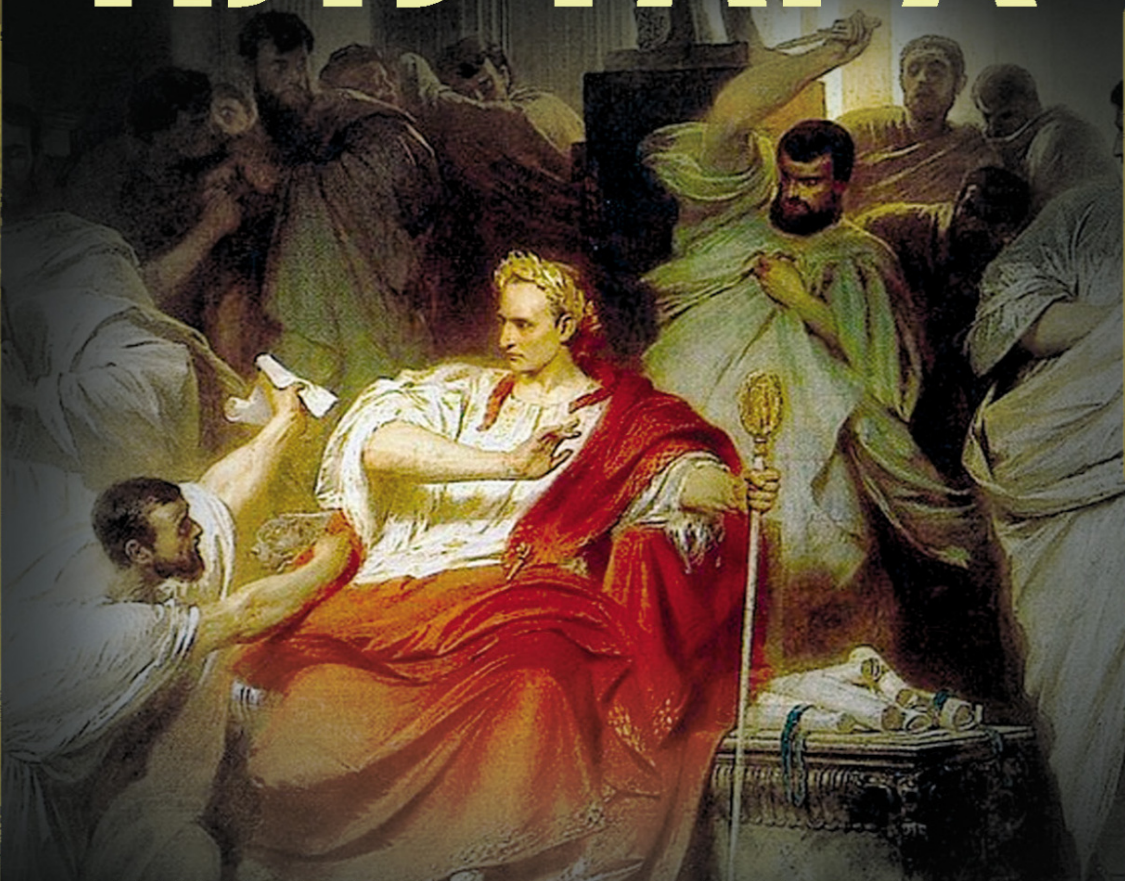

ПЛУТАРХ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Юлия
Цезаря

Весь мир

Плутарх

Жизнь и смерть Юлия Цезаря

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Плутарх

Жизнь и смерть Юлия Цезаря / Плутарх — «Алисторус»,
— (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-975-3

Плутарх (45 – 119 гг. н.э.) — древнегреческий историк и писатель, живший в римскую эпоху. Он по праву считается основателем биографического жанра: жизнеописания знаменитых личностей античной эпохи, составленные Плутархом, отличаются достоверностью, точностью, ярким стилем изложения. Особое место среди них занимает биография Юлия Цезаря, великого полководца и государственного деятеля, положившего начало Римской империи. Плутарх тщательно и скрупулезно собирал материалы о его жизни – о молодых и зрелых годах, военных походах и политике, друзьях и врагах, об убийстве Цезаря. В результате, получился подробный увлекательный рассказ, который вот уже две тысячи лет привлекает внимание читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-00180-975-3

© Плутарх
© Алисторус

Содержание

Юность Цезаря. Гонения и возвышение	6
Соперники Цезаря. Восстание Спартака	13
Цезарь в провинции. Консульская должность	18
Галльская война Цезаря	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Плутарх

Жизнь и смерть Юлия Цезаря

Плутарх (Πλούταρχος)

© Перевод с латинского Г. Стратановского, К. Лампсакова, В. Петуховой

© ООО «Издательство Родина», 2023

Художник Е. В. Максименкова

* * *

Юность Цезаря. Гонения и возвышение

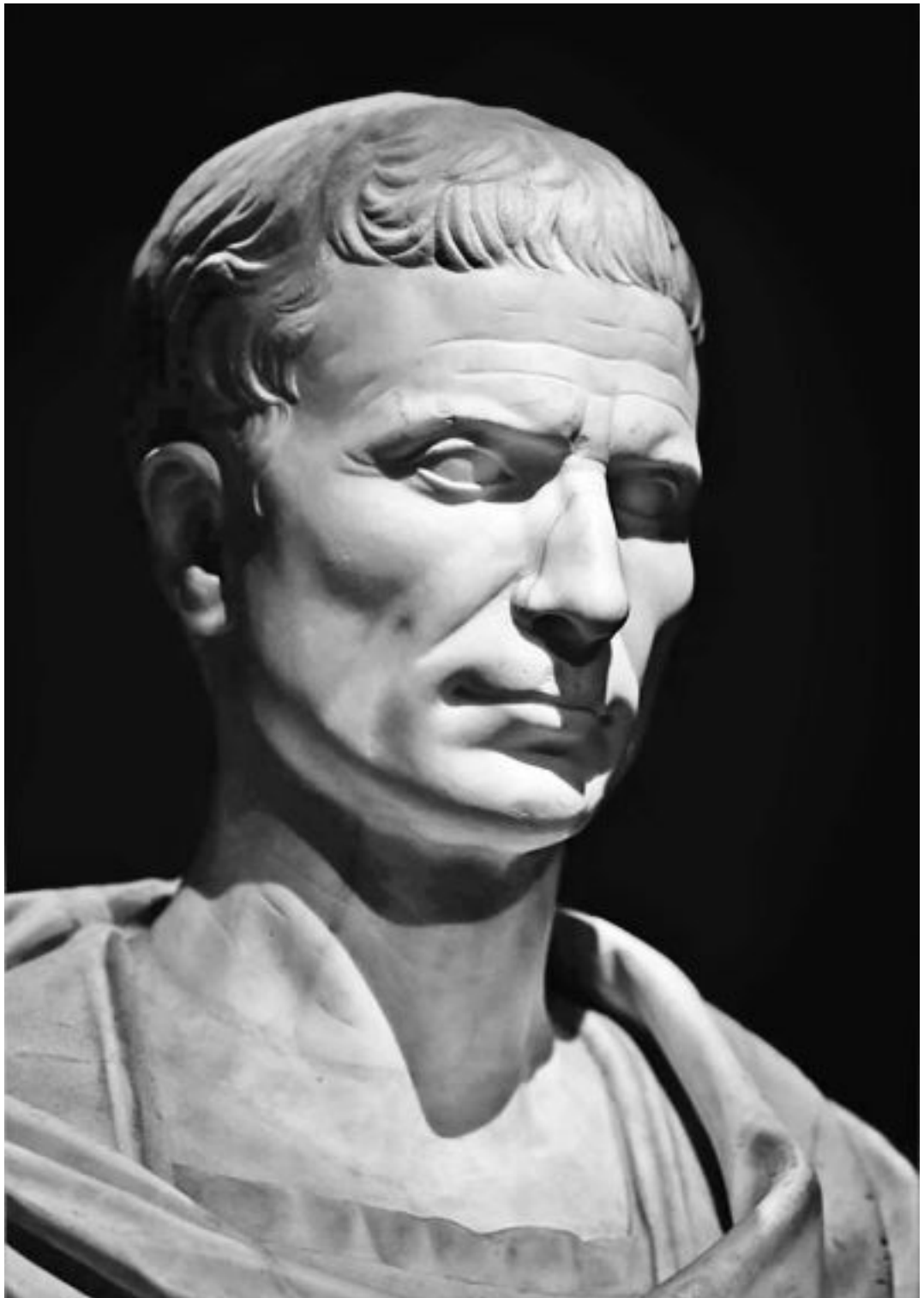
Гонения

...Когда Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего одно время единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии.

Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тетке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря.

Занятый вначале многочисленными убийствами и неотложными делами, Сулла не обращал на Цезаря внимания, но тот, не довольствуясь этим, выступил публично, добиваясь жреческой должности¹, хотя сам едва достиг юношеского возраста.

¹ ...добиваясь жреческой должности – По другим сведениям (Веллей, II, 43; Светоний, I), Цезарь стал жрецом Юпитера еще при Марии и Цинне, а Сулла лишил его этого достоинства.

Юлий Цезарь. Римский бюст, I век н. э.

К началу I века до н. э. в Риме были известны две ветви Юлиев Цезарей. Ближайшие родственники будущего диктатора ориентировались на Гая Мария, а Цезари из другой ветви поддерживали Суллу. При этом последняя ветвь играла большую роль в общественной жизни, чем та, к которой принадлежал Гай Юлий Цезарь.

Сулла воспротивился этому и сделал так, что Цезарь потерпел неудачу. Он намеревался даже уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: «Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке – много Мариев».

Когда Цезарь узнал об этих словах Суллы, он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян. Но однажды, когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся.

Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомену.

В плену у пиратов

Проведя здесь немного времени, он на обратном пути у острова Фармакуссы² был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем.

Когда пираты потребовали у него выкупа в двадцать талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели.

Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тем, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако, как только прибыли выкупные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова и захватил в плен большую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме.

Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, находя, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов.

Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время; тогда Цезарь, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой.

Возвышение Цезаря

Тем временем могущество Суллы пошло на убыль, а друзья Цезаря стали звать его в Рим. Однако Цезарь сначала отправился на Родос, в школу Аполлония, сына Молона, у которого учился и Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами.

Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место³ в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему ука-

² ...у острова Фармакуссы – Недалеко от Милета.

³ ...принадлежало второе место – После Цицерона.

зан природой. Позднее в своем произведении, направленном против сочинения Цицерона о Катоне, он сам просил не сравнивать это слово воина с искусной речью одаренного оратора, посвятившего много времени усовершенствованию своего дара.

По прибытии в Рим Цезарь привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательствах в провинции, и многие из греческих городов представили ему свидетелей. Долабелла, однако, был оправдан. Чтобы отблагодарить греков за их усердие, Цезарь взялся вести их дело, которое они начали у претора Македонии Марка Лукулла против Публия Антония, обвиняя его во взыскчивании. Цезарь так энергично повел дело, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками.

В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве.

Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития.

Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но, — добавлял он, — когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем⁴, мне всегда кажется, что этот человек не может замыслить такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя». Но об этом — позже.

Первое доказательство любви к нему народа Цезарь получил в то время, когда, добиваясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран большим числом голосов, нежели тот, второе же, и еще более явное, когда после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства. Некоторые подняли голос против этого поступка, но народ криком и громкими рукоплесканиями показал свое одобрение Цезарю, который спустя столь долгое время как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим.

Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена. И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава. После похорон жены он отправился в Испанию в качестве квестора при преторе Ветере, которого он всегда почитал и сына которого позже, когда сам стал претором, сделал квестором. Вернувшись после отправления этой должности, он женился третьим браком⁵ на Помпее, имея от Корнелии дочь, которую впоследствии выдал замуж за Помпея Магна.

⁴ ...почесывает голову одним пальцем — В Риме этот жест считался знаком изнеженности.

⁵ ...третьим браком — Первую жену Цезаря звали Коссунция, второй была Корнелия, третья, Помпея, находилась в дальнем родстве с Помпеем Великим.

Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценой величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на тысячу триста талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги⁶, он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

* * *

Рим тогда разделялся на два стана – приверженцев Суллы, имевших большую силу, и сторонников Мария, которые были полностью разгромлены, унижены и владели жалкое существование. Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные тайне изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестящих золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным).

Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбегались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тиранию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи. Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием.

По этому поводу было созвано заседание сената, и Лутаций Катул, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: «Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще более осмелели и призывали его ни перед чем не отступать в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками.

Между тем умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в сенате, – Сервий Исаурийский и Катул, – боролись друг с другом, добиваясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в Народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще большую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал: «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником». На выборах Цезарь одержал верх и этим внушил сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость.

Поэтому Пизон и Катул упрекали Цицерона, пощадившего Цезаря, который был замешан в заговоре Катилины. Как известно, Катилина намеревался не только свергнуть существующий

⁶ Аппиева дорога – «царица римских дорог», проложенная Аппием Клавдием Слепым в 312 г., вела из Рима в Капуя, а затем в Брундизий.

строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, а важнейшие замыслы оставались еще скрытыми, Лентула же и Цетегга оставил в Риме, чтобы они продолжали плести заговор.

Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в сенате, когда они были полностью изобличены и консул Цицерон спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказывались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это не вызвано крайней необходимостью. Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в итальянских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

Это предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Катула. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей резкостью.

Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охранявших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным. Если все это правда, то я не понимаю, почему Цицерон в сочинении о своем консульстве ничего об этом не говорит. Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным шумом. Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбежался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря.

Поэтому и Катон, сильно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая надежды на Цезаря, воспламеняли и весь народ, убедил сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прибавило к остальным расходам государства новый – в сумме семи миллионов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило непосредственно угрожавшую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее.

Семейный скандал

Год претуры Цезаря прошел спокойно, и лишь в собственном его доме произошел неприятный случай. Был некий человек⁷ из числа старинной знати, известный своим богатством и красноречием, но в бесчинстве и дерзости не уступавший никому из прославленных распутников. Он был влюблен в Помпею, жену Цезаря, и пользовался взаимностью. Но женские комнаты строго охранялись, а мать Цезаря Аврелия, почтенная женщина, своим постоянным наблюдением за невесткой делала свидания влюбленных трудными и опасными.

⁷ ...некий человек – П. Клодий, будущий трибун 58 г. и знаменитый враг Цицерона.

У римлян есть богиня, которую они называют Доброю⁸, а греки – Женскою. Фригийцы выдают ее за свою, считая супругою их царя Мидаса, римляне утверждают, что это нимфа Дриада, жена Фавна, по словам же греков – она та из матерей Диониса, имя которой нельзя называть. Поэтому женщины, участвующие в ее празднике, покрывают шатер виноградными лозами, и у ног богини помещается, в соответствии с мифом, священная змея. Ни одному мужчине нельзя присутствовать на празднестве и даже находиться в доме, где справляется торжество; лишь женщины творят священные обряды, во многом, как говорят, похожие на орфические. Когда приходит день праздника, консул или претор, в доме которого он справляется, должен покинуть дом вместе со всеми мужчинами, жена же его, приняв дом, производит священнодействия. Главная часть их совершается ночью, сопровождаясь играми и музыкой.

В том году праздник справляла Помпея, и Клодий, не имевший еще бороды и поэтому рассчитывавший остаться незамеченным, явился туда, переодевшись в наряд арфистки и неотличимый от молодой женщины. Он нашел двери отпертыми и был благополучно проведен в дом одною из служанок, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Помпею.

Так как она долго не возвращалась, Клодий не вытерпел ожидания на одном месте, где он был оставлен, и стал пробираться вперед по большому дому, избегая ярко освещенных мест. Но с ним столкнулась служанка Аврелии и полагая, что перед ней женщина, стала приглашать его принять участие в играх и, несмотря на его сопротивление, повлекла его к остальным, спрашивая, кто он и откуда.

Когда Клодий ответил, что он ожидает Абру (так звали ту служанку Помпеи), голос выдал его, и служанка Аврелии бросилась на свет, к толпе, и стала кричать, что она обнаружила мужчину. Все женщины были перепуганы этим, Аврелия же, прекратив совершение таинств и прикрыв святыни, приказала запереть двери и начала обходить со светильниками весь дом в поисках Клодия. Наконец его нашли укрывшимся в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом, и женщины, обнаружившие его, выгнали его вон. Женщины, разойдясь по домам, еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся.

На следующий день по всему Риму распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами. Один из народных трибунов публично обвинил Клодия в нечестии, и наиболее влиятельные сенаторы выступили против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла. Но народ воспротивился их стараниям и принял Клодия под защиту, что принесло тому большую пользу в суде, ибо судьи были напуганы и дрожали перед чернью.

Цезарь тотчас же развелся с Помпеей. Однако, будучи призван на суд в качестве свидетеля, он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его: «Но почему же тогда ты развелся со своей женой?» «Потому, – ответил Цезарь, – что на мою жену не должна падать даже тень подозрения».

Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же – что он сделал это из угождения народу, желавшему спасти Клодия. Клодий был оправдан, так как большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой подписью⁹, чтобы осуждением не навлечь на себя гнев черни, а оправданием – бесславие среди знатных.

⁸ ...есть богиня... называют Доброю – «Добрая богиня», тайный женский культ в Риме.

⁹ ...с неразборчивой подписью – На табличках для голосования римские судьи писали (одной буквой) «оправдываю», «осуждаю» или «воздерживаюсь».

Соперники Цезаря. Восстание Спартака

Три лагеря в Риме

Незадолго до Спартаковой войны Рим разделился на три стана – Помпея, Цезаря и Красса, причем разумная, положительная часть граждан почитала Помпея, люди пылкие и неуравновешенные воспламенялись надеждами, внушаемыми Цезарем.

Соперничество не увлекало, однако, Красса на путь вражды или какого-нибудь недоброжелательства; его огорчало, что Помпей и Цезарь почитались стоящими выше его, но к честолюбию не присоединялось ни враждебности, ни коварства. Правда, Цезарь, взятый в плен пиратами, находясь под стражей, воскликнул: «Какую радость вкусишь ты, Красс, когда узнаешь о моем пленении!» Но позже они по-дружески сблизились между собой, и, когда Цезарь собирался отправиться в Испанию в качестве претора, денег же не имел, а кредиторы донимали его и задерживали отъезд, Красс не остался в стороне и выручил Цезаря, поручившись за него на сумму в восемьсот тридцать талантов.

Красс же, занимая промежуточную позицию, с выгодой пользовался поддержкой и тех и других. Постоянно меняя свои взгляды на дела управления, он не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а легко отказывался ради личной выгоды как от расположения, так и от вражды, так что в короткое время много раз был то сторонником, то противником одних и тех же людей либо одних и тех же законов.

Сила его заключалась и в умении угождать, но прежде всего – во внушаемом им страхе. Недаром Сициний, человек, доставлявший немало хлопот тогдашним должностным лицам и вожакам народа, на вопрос, почему он одного лишь Красса не трогает и оставляет в покое, ответил: «У него сено на рогах». Дело в том, что римляне имели обыкновение навязывать бодливому быку на рога сено для предостережения прохожих.

«Спартакская война»

Восстание гладиаторов, известное также под названием Спартаковой войны и сопровождавшееся разграблением всей Италии, было вызвано следующими обстоятельствами.

Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы. Попали эти люди в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно из-за жестокости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать. Замысел был обнаружен, но наиболее дальновидные, в числе семидесяти восьми, все же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными ножами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, везших в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени. Рассказывают, что однажды, когда Спартак впервые был приведен в Рим на продажу, увидели, в то время как он спал, обвившуюся вокруг его лица змею. Жена Спартака, его соплеменница, одаренная однако же даром пророчества и причастная к Дионисовым таинствам, объявила, что это знак предуготованной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу.

Скульптура Спартака работы Дени Фойятье. 1830.

Восстание Спартака (лат. *Bellum Spartacium*) (74–71 гг. до н. э) – величайшее в древности и третье по счету (после первого и второго Сицилийских восстаний) восстание рабов. «Спартакская война» представляла прямую угрозу центральной Италии. Окончательно подавлено, в основном, благодаря военным усилиям Марка Лициния Красса, одного из соперников моло-

дого Цезаря в политической борьбе. В последующие годы оно продолжало оказывать косвенное воздействие на политику Рима.

Прежде всего гладиаторы отбили нападение отрядов, пришедших из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им гладиаторское оружие, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе¹⁰, взобраться на которую можно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке. Единственный этот путь Клавдий приказал стеречь; со всех остальных сторон были отвесные гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы те могли достать с верхнего края скал до подножия, и затем благополучно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и, кончив это дело, благополучно спустился и сам. Римляне этого не заметили, и гладиаторы, обойдя их с тыла, обратили пораженных неожиданностью врагов в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных волопасов и овчаров – народ все крепкий и проворный. Одни из этих пастухов стали тяжеловооруженными воинами, из других гладиаторы составили отряды лазутчиков и легковооруженных.

Вторым против гладиаторов был послан претор Публий Вариний. Вступив сначала в бой с его помощником, Фурием, предводительствовавшим отрядом в три тысячи человек, гладиаторы обратили его в бегство, а затем Спартак подстерег явившегося с большими силами Коссиния, советника Вариния и его товарища по должности, в то время как он купался близ Салин¹¹, и едва не взял его в плен. Коссинию удалось спастись с величайшим трудом, Спартак же, овладев его снаряжением, стал немедленно преследовать его по пятам и после кровопролитного боя захватил его лагерь. В битве погиб и Коссиний. Вскоре Спартак, разбив в нескольких сражениях самого претора, в конце концов взял в плен его ликторов и захватил его коня.

Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущества римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и, таким образом, дать каждому возможность вернуться домой – иным во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, полагаясь на свою силу и слишком много возомнив о себе, не послушались и на пути стали опустошать Италию.

Сенат поставил во главе римских сил Красса. Спартак тем временем отступил через Луканию и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов, он решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове две тысячи человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов, едва затухшее незадолго перед тем¹²: достаточно было бы искры, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы, условившись со Спартаком о перевозке и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья, Спартак расположился с войском на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс. Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил прекратить сообщение через перешеек, имея в виду двоякую цель: уберечь солдат от вредного безделья и в то же время лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил ее до конца и сверх ожидания быстро. Поперек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиной в триста стадиев¹³, шириною и глубиною в пятнадцать футов, а вдоль всего рва возвел стену, поражавшую своей высотой и прочностью.

¹⁰ На горе – имеется в виду Везувий.

¹¹ ...близ Салин – По-видимому, Геракловы Салины («солеварни») между Геркуланумом и Помпеями.

¹² ...восстание... едва затухшее – Два большие восстания рабов в Сицилии были в 135–131 и 104–100 гг.

¹³ ...в триста стадиев – Т. е. 50,5 км поперек «носки» итальянского «сапога».

Сначала сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перебираться в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и перевел через него третью часть своего войска.

Красс испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших возникли раздоры и многие, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканского озера. (Вода в этом озере, как говорят, время от времени меняет свои свойства, становясь то пресной, то соленой и негодной для питья). Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но не смог преследовать и истреблять врагов, так как внезапное появление Спартака остановило их бегство. Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать и Лукулла из Фракии и Помпея из Испании, но теперь сожалел о своем шаге и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, который явится к нему на помощь.

По этим соображениям он решил, не медля, напасть на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста. Намереваясь занять один из окрестных холмов, он отрядил туда шесть тысяч человек с приказанием сделать все возможное, чтобы пробраться незаметно. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти прикрыли свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы перед неприятельским лагерем, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения – самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он нашел среди них только двоих, раненных в спину, все остальные пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартаком, отступавшим после этого поражения к Петелийским горам, следовали по пятам Квинтий, один из легатов Красса, и квестор Скрофа. Но когда Спартак обернулся против римлян, они бежали без оглядки и едва спаслись, с большим трудом вынеся из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив головы беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на пути, с оружием в руках принудили вести войско назад через Луканию на римлян. Шли они туда же, куда спешил и Красс, до которого стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни выборов было много толков о том, что победа над врагами должна быть делом Помпея: стоит ему явиться – и с войной будет покончено одним ударом.

Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился рядом с ними и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этим делом, рабы тревожили их своими налетами. С той и другой стороны стали подходить все большие подкрепления, и Спартак был, наконец, поставлен в необходимость выстроить все свое войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы получит много хороших коней от врагов, а в случае поражения не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца.

Хотя Красс умело использовал случай, предводительствовал успешно и лично подвергался опасности, все же счастье его не устояло перед славой Помпея. Ибо те рабы, которые ускользнули от него, были истреблены Помпеем, и последний писал в сенат, что в открытом бою беглых рабов победил Красс, а он уничтожил самый корень войны. Помпей, конечно, со славой отпраздновал триумф как победитель Сертория и покоритель Испании. Красс и не пытался требовать большого триумфа за победу в войне с рабами, но даже и пеший три-

умф, называемый овацией, который ему предоставили, был сочтен неуместным и унижающим достоинство этого почетного отличия.

Цезарь в провинции. Консульская должность

В провинции

...Как было сказано выше, после претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию. Так как он не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию.

Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» «Что касается меня, – ответил им Цезарь с полной серьезностью, – то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!»

Сразу же по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять, но выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее не подвластных римлянам. Достигнув такого успеха в делах военных, Цезарь не хуже руководил и гражданскими: он установил согласие в городах и прежде всего уладил споры между займодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло займодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором.

Лицам, домогающимся триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности – присутствовать в городе. Цезарь, который вернулся как раз во время консульских выборов, не знал, что ему предпочесть, и поэтому обратился в сенат с просьбой разрешить ему домогаться консульской должности заочно, через друзей. Катон первым выступил против этого требования, настаивая на соблюдении закона.

Когда же он увидел, что Цезарь успел многих расположить в свою пользу, то, чтобы затянуть разрешение вопроса, произнес речь, которая продолжалась целый день. Тогда Цезарь решил отказаться от триумфа и добиваться должности консула.

Возвращение в Рим

Итак, едва возвратившись из провинции, Цезарь стал готовиться к соисканию консульской должности. Он видел, что Красс и Помпей снова не ладят друг с другом, и не хотел просьбами, обращенными к одному, сделать себя врагом другого, а вместе с тем не надеялся на успех без поддержки обоих. Тогда он занялся их примирением, постоянно внушая им, что, вредя

друг другу, они лишь усиливают Цицеронов, Катулов и Катонов, влияние которых обратится в ничто, если они, Красс и Помпей, соединившись в дружеский союз, будут править совместными силами и по единому плану.

Убедив и примирив их, Цезарь составил и слил из всех троих непреодолимую силу, лишившую власти и сенат и народ, причем повел дело так, что те двое не стали сильнее один через другого, но сам он через них приобрел силу и вскоре при поддержке того и другого блистательно прошел в консулы.

Цезарь превосходно управлял делами, и постановлением Народного собрания Красс и Помпей дали ему войско и послали в Галлию, засадив его таким образом как бы в крепость и полагая, что, закрепив за ним власть над доставшейся ему провинцией, они смогут без помехи поделить между собой все остальное. Помпея на этот шаг толкнуло его безмерное честолюбие, а к старой болезни Красса – корыстолюбию – из-за подвигов Цезаря присоединилась новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам. Уступая Цезарю в этом одном и считая себя в остальном выше него, Красс не успокоился до тех пор, пока замыслы его не привели к его бесславной смерти и к народному бедствию.

Цезарь приехал из Галлии в город Луку, и туда же собрались многие из римлян, в том числе Красс и Помпей, которые частным образом сговорились с ним крепко держаться за власть и подчинить себе все управление: Цезарю предстояло остаться во главе своего войска, а Красс и Помпей должны были взять себе другие провинции и войска. Путь к этому был один – искать второго консульства, а для этого нужно было, чтобы Цезарь, в то время как они будут домогаться власти, помогал им, переписываясь с друзьями и посылая побольше воинов для подачи голосов в их пользу.

Вернувшись после этого в Рим, Красс и его сторонники встретили общую подозрительность: распространилась упорная молва, что не к добру было то свидание. Когда в сенате Марцеллин и Домиций спросили Помпея, намерен ли он выставить свою кандидатуру, тот ответил, что, быть может, он ее и выставит, а может быть, и нет. На вторичный вопрос о том же он сказал, что сделает это для добрых граждан, но не сделает для дурных. Помпей в ответах своих показался всем надменным и чванным, Красс же ответил скромнее, заявив, что если это может принести пользу государству, то он будет домогаться власти, в противном случае – воздержится. После такого ответа искать консульства решились и некоторые другие, в том числе Домиций. Но когда Красс и Помпей явно обнаружили свои намерения, иные из соискателей, испугавшись, отступили, Домиция же, своего родственника и друга, подбодрял Катон, увещая и побуждая не отказываться от надежды, так как ему предстоит бороться за общую свободу; ибо Помпею и Крассу нужна не консульская должность, а тиранния, и то, что ими делается, – не соискание консульства, а захват провинций и войск.

Внушая все это и сам думая так, Катон привел Домиция на форум едва ли не против его воли, причем многие к ним примкнули. И немало удивлялись люди: «Почему Помпей и Красс вторично ищут консульства, почему опять оба вместе, почему не с кем-либо другим? Ведь у нас есть много мужей, несомненно достойных управлять делами вместе с Крассом или вместе с Помпеем». Устрашившись этих толков, пособники Помпея не остановились ни перед какими бесчинствами и насилиями и в довершение всего устроили засаду Домицию, еще до света спускавшемуся на форум в сопровождении других лиц, убили несшего перед ним факел, многих ранили, в том числе Катона, а прочих обратили в бегство и заперли в доме, после чего Помпей и Красс были избраны консулами.

Вскоре они опять окружили курию вооруженными людьми, прогнали с форума Катона и убили нескольких человек, оказавших сопротивление; Цезарю они продлили власть на второе пятилетие, а себе из провинций выбрали Сирию и обе Испании. Был брошен жребий: Сирия досталась Крассу, испанские же провинции – Помпею.

* * *

Так Цезарю удалось примирить Помпея и Красса, двух людей, пользовавшихся наибольшим влиянием в Риме. Тем, что Цезарь взамен прежней вражды соединил их дружбой, он поставил могущество обоих на службу себе самому и под прикрытием этого человеколюбивого поступка произвел незаметно для всех настоящий государственный переворот. Ибо причиной гражданских войн была не вражда Цезаря и Помпея, как думает большинство, но в большей степени их дружба, когда они сначала соединились для уничтожения власти аристократии, а затем поднялись друг против друга.

Чтобы еще свободнее использовать в своих целях могущество Помпея, Цезарь выдал за него свою дочь Юлию, хотя она и была уже помолвлена с Сервилием Цепионом, последнему же он обещал дочь Помпея, которая также не была свободна, ибо была обручена с Фавстом, сыном Суллы. Немного позже сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, которого он провел в консулы на следующий год. Это вызвало сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности.

Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его законопроектам; но так как он ничего не добился и даже вместе с Катонем рисковал быть убитым на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности. Помпей вскоре же после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии – Предальпийскую и Заальпийскую – вместе с Иллириком и четыре легиона. Катона, который отважился выступить против этого, Цезарь отправил в тюрьму, рассчитывая, что тот обратится с жалобой к народным трибунам. Однако, видя, что Катон, не говоря ни слова, позволяет увести себя и что не только лучшие граждане угнетены этим, но и народ, из уважения к добродетели Катона, молча и в унынии следует за ним, Цезарь сам тайком попросил одного из народных трибунов освободить Катона.

Из остальных сенаторов лишь очень немногие посещали вместе с Цезарем заседания сената, прочие же, недовольные оскорблением их достоинства, воздерживались от участия в делах. Когда Консидий, один из самых престарелых, сказал однажды, что они не приходят из страха перед оружием и воинами, Цезарь спросил его: «Так почему же ты не боишься и не остаешься дома?» Консидий отвечал: «Меня освобождает от страха моя старость, ибо краткий срок жизни, оставшийся мне, не требует большой осторожности».

Галльская война Цезаря

Цезарь как полководец

Таковы были дела, которые Цезарь совершил перед Галльскими войнами. Что же касается до времени, когда Цезарь вел эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов или живших одновременно с ним и незадолго до него Суллу, Мария, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других – в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих – имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых – принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых – человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых – подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех – тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

Он пользовался такой любовью и преданностью своих воинов, что даже те люди, которые в других войнах ничем не отличились, с непреодолимой отвагой шли на любую опасность ради славы Цезаря. Примером может служить Ацилий, который в морском сражении у Массилии¹⁴ вскочил на вражеский корабль и, когда ему отрубили мечом правую руку, удержал щит в левой, а затем, нанося этим щитом удары врагам в лицо, обратил всех в бегство и завладел кораблем.

¹⁴ ...в морском сражении у Массилии – Сражение во время гражданской войны в 49 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.